

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.075

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-411-428>

EDN: WBFPZA

Поступила: 25.05.2024

Принята: 08.07.2024

Опубликована: 03.10.2024

ЦЕЛОСТНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

Филатова Анастасия Филипповна, Костромина Светлана Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Переживание собственной деструктивности приобретает все большее значение в жизненном контексте современного человека. Вопреки интенсивному росту исследовательского интереса к проблематике деструктивного поведения и деструктивности, остается не проясненным вопрос о роли целостной системы личности в реализации разрушительной активности. В статье проводится теоретико-методологический анализ соотношения и взаимосвязи понятий деструктивности и целостности личности. Традиционное для научного дискурса понимание деструктивности предполагает определение данного феномена в качестве «негативного» и отрицательного свойства «дезинтегрированной» личности, а также акцент на обусловленности деструктивного поведения психическими расстройствами и нарушениями эмоционально-волевой регуляции. В то же время феноменологический анализ переживаний собственной деструктивности позволяет обнаружить активность и вовлеченность субъекта, произвольную инициацию и реализацию разрушительных действий и поступков. Деструкция и целостность лишь на первый взгляд кажутся оппозициями, посредством которых можно описать внутреннюю конфликтность личности и амбивалентные тенденции во внутриличностной динамике. Процессуальный подход к исследованию личности позволяет рассматривать бинарные оппозиции с точки зрения принципа комплементарности, согласно которому противоположные личностные тенденции являются взаимодополняющими. В связи с этим переживание личностью собственной деструктивности включает также интегративные процессы и обусловлено не только нарушением функционирования целостной системы личности, но и её последующим восстановлением, реконструкцией и самоорганизацией. Обзор психологической литературы по проблеме исследования позволил сделать вывод о том, что конкретные теоретические подходы к изучению деструктивности человека основаны на имплицитных или эксплицитных представлениях авторов о личности как о целостной или дифференцированной сущности. По результатам исследования предложено описание интеграционных и дезинтеграционных аспектов переживания личностной деструктивности. Доминирующей тенденцией является поддержание целостности и устойчивости, поскольку деятельность переживания направлена на интеграцию подсистем личности с целью преодоления трудной жизненной ситуации, а также на интеграцию жизненного опыта.

Ключевые слова: деструктивность, деструктивное поведение, деструкция, целостность, интеграция, личность, холизм, процессуальный подход, системный подход.

Для цитирования:

Филатова А.Ф., Костромина С.Н. Целостность и интеграция личности в процессе переживания собственной деструктивности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 411–428.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-411-428>. EDN: WBFPZA

INTEGRITY AND INTEGRATION OF PERSONALITY IN THE PROCESS OF EXPERIENCING ONE'S OWN DESTRUCTIVENESS

Anastasiya F. Filatova, Svetlana N. Kostromina

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

A personality's experience of their own destructiveness is becoming increasingly important in the life context of a modern person. Despite the intensive growth of research interest in the problems of destructive behavior and human destructiveness, the question of the role of the integral personality system in the implementation of destructive activity remains unclear. The article deals with the theoretical and methodological problem of the correlation between the concepts of destructive behavior and personality integrity. The traditional understanding of destructiveness in scientific discourse assumes the definition of this phenomenon as a «dark» and negative property of a «disintegrated» personality, as well as the emphasis on destructive behavior as being conditioned by mental disorders and irregularities in emotional-volitional regulation. At the same time, phenomenological analysis of the experience of one's own destructiveness allows us to detect the subject's activity and involvement, volitional initiation and realization of destructive actions and deeds. It is only at first glance that destruction and integrity seem to be oppositions through which we can describe the inner conflict of a personality and ambivalent tendencies in intrapersonal dynamics. The process approach to personality research allows us to consider binary oppositions through the prism of the principle of complementarity, according to which opposite personality tendencies are complementary. In this connection, a personality's experience of their own destructiveness also includes integrative processes conditioned not by disruption in the functioning of the integral personality system, but, on the contrary, by its subsequent recovery, reconstruction, and self-organization. The review of psychological literature on the research problem allowed us to conclude that specific theoretical approaches to the study of human destructiveness are based on authors' implicit or explicit ideas about personality as an integral or differentiated entity. Based on the results of the study, we propose a description of the integrative and disintegrative aspects of the experience of personal destructiveness. The dominant tendency is the maintenance of integrity and stability, since the activity of experiencing is aimed at integrating the subsystems of personality in order to overcome a difficult life situation, as well as at integrating life experience.

Keywords: destructiveness, destructive behavior, destruction, integrity, integration, personality, holism, process approach, system approach.

To cite:

Filatova A.F., Kostromina S.N. [Integrity and integration of personality in the process of experiencing one's own destructiveness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 411–428 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-411-428>, EDN: WBFPZA

Введение

В повседневной жизни современного человека можно наблюдать широкое многообразие деструктивных и аутодеструктивных явлений. Они все чаще становятся предметом психологического исследования и определяют содержание клиентских запросов в практике психо-

логического консультирования. Можно констатировать интенсивный рост исследовательского интереса к проблемам диагностики, профилактики и коррекции деструктивного поведения [Малых С.Б., 2023; Профилактика деструктивного поведения..., 2019]. Тем не менее, по-прежнему существует ряд теоретических и методологических вопросов о роли целостной си-

стемы личности в реализации деструктивной активности. Актуальной перспективой исследований, на наш взгляд, являются системный и процессуальный подходы к анализу личностных проявлений, с точки зрения которых деструктивность личности может рассматриваться во взаимосвязи с феноменом целостности и процессами интеграции личностных подсистем.

Согласно традиционным представлениям, деструктивность и аутодеструктивность являются свойствами «расщепленной» или дезинтегрированной личности: следствием внутреннего конфликта и борьбы разнонаправленных влечений [Шпильрейн С.Н., 2020; Фрейд З., 2020а; Фромм Э., 2017], симптомом психических нарушений и некоторых личностных расстройств [Зинчук М.С. и др., 2019; Kolbeck K. et al., 2019], отклонением от социальных норм в условиях дезадаптации [Клейберг Ю.А., 2024]. В научной литературе так же, как и в обыденных представлениях, доминирует идея о том, что деструктивное поведение обусловлено нарушениями эмоционально-волевой регуляции: импульсивностью, реактивностью, эмоциональной лабильностью [Hamza Ch.A. et al., 2015; Moore Fh.R. et al., 2022], т.е. так или иначе связано с дезинтеграцией функциональных подсистем целостной личности. Вместе с тем по результатам ряда современных исследований, многие формы и проявления деструктивности личности предполагают субъектную вовлеченность, целенаправленность и произвольность действий, осознание себя в качестве агента или автора деструкции [Злоказов К.В., 2018; Профилактика деструктивного поведения..., 2019]. Собственная деструктивность может оказаться в фокусе рефлексивного сознания, быть осмыслена личностью и произвольно инициирована. Кроме того, деструктивная активность взаимосвязана с интеграционными процессами в личности: например, с формированием идентичности, выстраиванием собственного целостного и отличного от других структурного образа [Злоказов К.В., Прядеин В.П., 2014]. Процесс переживания личностью собственной деструктивности имеет сложную структуру, и помимо эмоционального и поведенческого компонентов, включает также когнитивные, мотивационно-волевые, ценностно-смысловые аспекты. Деятельность переживания, направленная на смыслопостроение, преодоление

трудной жизненной ситуации, интеграцию опыта, требует вовлечения всех подструктур системы личности, что подразумевает их согласованное функционирование.

На сегодняшний день в исследованиях деструктивности преобладает элементаристский подход к рассмотрению личности, особенно характерный для методологии количественного анализа отдельных паттернов поведения [Хьелл Л.А., Зиглер Д.Дж., 2018]. Целостность личности чаще всего подразумевается имплицитно, но не служит основанием для построения эмпирически проверяемых моделей. Однако мы полагаем, что именно углубление и эксплицирование теоретического понимания целостности личности может стать продуктивным базисом будущих исследований. Еще в начале XX в. на смену элементаристским концепциям психики и личности, стремившимся описать целое на языке элементов, пришли идеи холистического (whole; holistic) подхода (см.: [Magnusson D., Törestad B., 1993]). Дальнейшее развитие методологии психологических исследований привело к развитию системного и процессуального подходов к анализу личности, позволяющих изучать процессы интеграции и дифференциации системы с учетом доминирующей тенденции объединения [Ганзен В.А., 2007]. Современные исследователи сходятся во мнении, что способность личности сохранять целостность обусловлена ее процессуальной природой, и в первую очередь сложным взаимодействием двух состояний — стабильности и изменчивости [Гришина Н.В., Костромина С.Н., 2021; Mischel W., 2004; Wagner J. et al., 2020], которым соответствуют две неразрывные тенденции — стремление к сохранению и готовность к изменениям.

Личность как неделимая сущность и уникальное сочетание процессов и свойств раскрывается и реализуется в различных вариантах направленности, в том числе в «негативных» и деструктивных. Феноменологическое описание процесса переживания собственной деструктивности подразумевает комплексный анализ личности, изучение не только внешне наблюдаемых поведенческих паттернов, но и мыслей, чувств, намерений и желаний, личностных смыслов и ценностей, возникающих или актуализирующихся в момент инициации разрушения. Мы полагаем, что исследование переживаний де-

структивности позволит обнаружить процессы, связанные не только с нарушением функционирования целостной системы личности, но и с ее последующим восстановлением, реконструкцией, самодетерминацией и самоорганизацией.

В некотором роде попытка сопоставления деструкции и целостности личности выглядит как сопряжение антагонистических (оппозиционных) процессов. Однако идея бинарных оппозиций (холизм – элементаризм, среда – природа, гомеостаз – гетеростаз, свобода – детерминизм и т.д.), свойственная психологии личности XX в., давно изжила себя. Гораздо более убедительным выглядит сегодня принцип сложности или комплементарности [Костромина С.Н., Гришина Н.В., 2023, с. 517], означающий принципиальную несводимость природы личности к кажущимся несовместимым тенденциям. Современный взгляд на взаимодополнительность противоположных личностных процессов ориентирован на их трактовку с точки зрения эволюционных, нежели уравнивающих механизмов. Именно наличие разнонаправленных тенденций во внутреннем пространстве личности создает поле напряжения (по К. Левину), определяющее перспективы развития и усложнения внутренней структуры личности с целью поддержания ее целостности и устойчивости.

Цель данного исследования — сформулировать теоретические основания для исследования интеграционных и дезинтеграционных аспектов процесса переживания личностью собственной деструктивности, а также проанализировать взаимосвязь феноменов целостности и деструктивности личности с точки зрения различных теоретико-методологических подходов, от уже ставших классическими к современным.

Теоретические основания

Деструкция и целостность личности в классическом психоанализе

Включение в психологический дискурс понятия «деструкция» и появление концепции деструктивности личности связаны с несколькими этапами развития психоаналитической теории в XX в., конкретнее — с 1912 по 1973 г. В первоначальной формулировке эти термины использовались для описания бессознательного влечения человека к разрушению и саморазрушению.

Уже в ранних психоаналитических работах по теме была обозначена тесная связь проблемы деструкции личности с пониманием ее как целостной или дифференцированной сущности.

В своей статье 1912 г., формулируя первую в психологии концепцию деструкции, С.Н. Шпильрейн пишет: «основной характеристикой индивидуума является то, что он есть дивидуум (Dividuum)» [Шпильрейн С.Н., 2020, с. 9]. Данный тезис отражает классическое понимание личности в психоанализе: личность расщеплена, движима непрерывной борьбой противоположно направленных сил, пребывает в априорно неразрешимом внутреннем конфликте сознания и бессознательного. По мнению С.Н. Шпильрейна, психическая жизнь человека подчинена двум амбивалентным тенденциям: статическому инстинкту самосохранения и динамическому инстинкту размножения. Эту оппозицию описывал З. Фрейд в первом варианте собственной дуалистической модели влечений, согласно которой «влечения Я» противоположны по направленности либидинозным влечениям к объекту.

Однако далее по тексту статьи С.Н. Шпильрейн рассуждает скорее в юнгианском, нежели во фрейдистском ключе. Она интерпретирует возникновение личности и феномена индивидуального «Я» как результат дифференциации из общеродового, типического, универсального «Мы», аналогичного понятию коллективного бессознательного. Возникая и дифференцируясь из «правещества» и некоего архаичного «прапереживания» универсального «Мы», индивидуальное «Я» вновь стремится к ассимиляции, растворению в общеродовом и типическом — эта последняя тенденция выражена в «инстинкте размножения» человека, имеющем отчетливый аутодеструктивный компонент [Шпильрейн С.Н., 2020].

Согласно аналогичному принципу психического функционирования, «чем больше мы приближаемся к сознательному мышлению, тем более дифференцированными становятся наши представления, но чем глубже мы проникаем в бессознательное, тем более общими, типичными они становятся» [Шпильрейн С.Н., 2020, с. 9]. Именно благодаря ассимиляции личные переживания могут быть выражены в символической форме и в виде произведений искусства. Дифференциация и ассимиляция —

два чередующихся субпроцесса, которые обеспечивают сложную внутриспсихическую динамику, подвижность душевной жизни. Роль деструкции в этой динамике, согласно концепции С.Н. Шпильрейн, — основополагающая: разрушение запускает фазу дифференциации, «дробит» и видоизменяет психические содержания, чтобы впоследствии они образовали новый синтез и новое единство. «Никакое изменение не может происходить без уничтожения прежнего состояния» [Шпильрейн С.Н., 2020, с. 21], следовательно, деструкция есть «причина становления» — именно эту ключевую идею С.Н. Шпильрейн вынесла в название своей главной статьи. Иными словами, в самой первой психоаналитической концепции деструкции ключевое место занимает именно рассуждение о роли деструктивных переживаний в процессах интеграции и дезинтеграции личности.

В трудах основоположника психоанализа З. Фрейда эта взаимосвязь трактуется более сложным и неоднозначным образом. В классической теории нет единого представления о целостности или дифференцированности личности. С одной стороны, обе модели психического аппарата, предложенные З. Фрейдом (топографическая и структурная), предполагают разграничение и дифференциацию внутреннего пространства личности. С другой стороны, структурная модель включает инстанцию Эго, ключевой функцией которой является интеграция. Будучи центральным элементом личности, Эго обеспечивает внутреннюю взаимосвязанность всех трех подструктур и осуществляет процесс связывания свободно плавающей психической энергии [Фрейд З., 2020b]. Установление единств, взаимосвязей или стремление к единству является ключевой характеристикой структуры Эго [Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б., 1996].

Столь же неоднозначны представления З. Фрейда о деструкции. Вдохновившись работой С.Н. Шпильрейн, он выдвигает гипотезу о наличии в психике «влечения к смерти» [Фрейд З., 2020a]. Новая оппозиция дополняет первую модель влечений, описывавшую движение психической энергии между полюсами «Я – объект». Одновременно понятие либидо получает более широкое толкование как влечения к жизни. З. Фрейд трактует смерть и как конечную, и как начальную точку существова-

ния живого организма: жизнь зарождается из смерти, небытия и стремится вернуться в изначальное неорганическое состояние [Фрейд З., 2020a]. Влечение к смерти всегда способствует возвращению энергетического напряжения к максимально низкому уровню («принцип нирваны») или к изначальному уровню, предшествовавшему стимуляции и установлению связи с объектом («принцип постоянства»). Оно уравнивает влечение к жизни, которое призвано повышать напряжение, нарушать покой и гомеостаз за счет образования и размножения связей с объектами влечения, находящимися во внешнем мире.

Цель влечения к смерти состоит в разрыве и разрушении связей в угоду гомеостазу, поэтому оно чаще всего переживается как Эго-дистонное, т.е. чуждое Я и сознательным намерениям личности. Предполагаем, что именно поэтому представители Эго-психологии (А. Фрейд, Э. Эриксон, Х. Хартманн), уделяя особое внимание защитным, интегративным и адаптивным функциям Эго, практически не развивают концепцию «влечения к смерти». Однако в более поздних работах самого З. Фрейда отмечается важная особенность структуры Эго — его мазохистичность [Фрейд З., 1992]. Поскольку в самом широком смысле мазохизм означает способность психики терпеть неудовольствие, Эго должно использовать часть деструктивной энергии и быть «мазохистичным» для того, чтобы согласовывать требования бессознательных влечений с запретами, налагаемыми реальностью. По мнению Б. Розенберга, именно мазохизм обеспечивает сохранность, целостность психического, его внутреннюю непрерывность, позволяя выносить тревожные переживания и состояния неудовольствия, связанные с отсрочкой удовлетворения [Розенберг Б., 2018]. Важнейшая интегративная функция Эго состоит именно в связывании энергии разнонаправленных влечений, нахождении компромисса между влечением к жизни и влечением к смерти, удовольствием и неудовольствием.

Основываясь на этих рассуждениях, можно сделать вывод, что в метапсихологической теории З. Фрейда интеграция рассматривается как вторичный процесс, которому с необходимостью предшествует первичный процесс расщепления и дифференциации. Важно отметить,

что расщепление — это понятие, неоднократно использованное З. Фрейдом, но получившее развитие и концептуализацию в трудах его последователей — британской школы теоретиков объектных отношений. Процесс расщепления является базовым и подразумевает установление внутренних границ между «Я» и «не Я», т.е. между Самостью и внутренними объектами, а также одновременное определение различий между условно «хорошим» и «плохим» в Я, между либидинозным и деструктивным влечениями [Гротштейн Дж.С., 2017; Шпиз Р., 2012]. Без первоначального и предшествующего расщепления невозможно последующее обретение целостности. Х. Сегал пишет о том, что «именно расщепление позволяет Я возникнуть из хаоса и упорядочить свой опыт» (цит. по: [Гротштейн Дж.С., 2017, с. 21]). Данная идея полностью совпадает с предположением С.Н. Шпильрейн о том, что возникновению Я предшествует дифференциация. Если расщепление — это внутреннее разъединение элементов личности, то дифференциация — скорее внешний процесс отделения частного от общего, личного от коллективного. Однако вопросы о границах внутреннего и внешнего и соотношении понятий представляются крайне сложными.

Анализируя первые психоаналитические концепции деструкции и «влечения к смерти», нельзя не заметить, что позиции С.Н. Шпильрейн и З. Фрейда принципиально различны как в понимании деструктивности, так и в понимании целостности личности. С.Н. Шпильрейн определяет источником личностной интеграции пространство универсального общечеловеческого единства — бессознательное (это взгляд К.Г. Юнга, о котором речь пойдет далее). Поэтому деструкция индивидуального «Я» для нее является условием становления и изменений, преумножения жизни. З. Фрейд скорее делает ставку на интегрирующую функцию структуры Эго, при этом подчеркивая, что бессознательное поддерживает равновесие именно за счет наличия противоположных тенденций. Следовательно, упорядоченность сознательного «Я» может возникнуть лишь при условии хаотичности и амбивалентности, одновременной деструктивности и созидательности, бессознательного «Оно».

Определяя классический психоанализ в качестве теории личности, Л. Хелл и Д. Зиглер од-

нозначно отнесли воззрения З. Фрейда на природу человека к принципу холизма [Хелл Л.А., Зиглер Д.Дж., 2018]. На наш взгляд, углубленное изучение теории позволяет обнаружить, что психоанализ как метод предполагает введение различия, разъединение частей, подструктур и расщепление внутреннего единства психики и личности («анализ» в переводе с древнегреческого — «разложение, разделение, расчленение, разборка»). Отправной точкой развития психоаналитической теории является выдвижение бессознательного в качестве предмета исследования. Если мы принимаем идею бессознательного, личность для нас оказывается исходно расщепленной, противоречивой, нецелостной, но именно поэтому она динамична и изменчива. Согласно определению Дж. Гротштейна, расщепление является базовым психическим механизмом и универсальным опытом человека, а единство — это цель жизни, и «мы должны всегда стремиться к ней, а не достичь ее» [Гротштейн Дж.С., 2017, с. 24].

Деструктивность и целостность личности в трудах К.Г. Юнга, А. Адлера и Э. Фромма

Как уже было упомянуто выше, К.Г. Юнг в рамках собственного психодинамического подхода к исследованию личности — аналитической психологии — сформулировал новое понимание бессознательного как пространства интеграции индивидуально-личностного и всеобщего, родового и коллективного. Символом полноты человеческого потенциала и единства личности для К.Г. Юнга служит понятие «Самости» — бессознательного архетипа целостности, путь к которому пролегает через личностный рост, процессы самопознания и анализа [Кларк М., 2022]. Взгляд К.Г. Юнга на природу человека кажется более «оптимистичным» по сравнению с воззрениями З. Фрейда, и, кроме того, он имеет выраженный религиозный подтекст. Эго как центр личности является своеобразной проекцией Самости и может черпать из нее силы и энергию, что аналогично взаимодействию человеческого и божественного. С утверждением такого гуманистического и однозначно холистического подхода к личности все меньшее внимание уделяется проблеме человеческой разрушительности. Деструктивному влечению в трудах К.Г. Юнга соответствует архетип «Тени», представляющий собой

негативное отражение структуры Эго, объединяющий в себе все противоположные качества и свойства, неприемлемые для личности и исключаемые из сферы осознаваемого [Юнг К.Г., 2004]. Архетип Тени не обладает собственным специфическим содержанием, по определению выступая в качестве отрицательной проекции или негатива. При этом осознание «теневого» аспекта собственной личности продвигает человека на пути индивидуации, самопознания и личностного роста, следовательно, является одним из необходимых шагов к обретению целостности и раскрытию Самости.

Идея расщепленного субъекта в классическом психоанализе З.Фрейда стала отправной точкой для критики его теории А. Адлером, развивавшем в альтернативном направлении собственную индивидуальную психологию. А. Адлер противопоставляет «дивидууму» З.Фрейда «индивидуума» — неделимого и целостного человека, обладающего неповторимым своеобразием и особым «жизненным стилем» — уникальной интеграцией черт, способов поведения и привычек [Хьелл Л.А., Зиглер Д.Дж., 2018]. Холистический принцип индивидуальной психологии А. Адлера также означает, что индивидуум рассматривается и исследуется включенным в целостную систему общества. Закономерным образом, избрав в качестве методологического принципа целостность личности, А. Адлер отказывается от дуалистического понимания бессознательного. При этом ранее, еще до конфликта с З.Фрейдом, будучи президентом Венского психоаналитического общества, А. Адлер предлагал гипотезу о существовании агрессивного влечения, лежащего в основе стремления к власти, жестокости и садизму [Адлер А., 2011]. Доклад А. Адлера «Влечение к агрессии в жизни и в неврозе» 1908 г. предвосхитил концепции деструкции С.Н. Шпильрейн и влечения к смерти З.Фрейда. В нем высказывается эвристичная для того времени мысль о взаимосвязи агрессии с чувством страха перед враждебным миром. Понятие «влечения к агрессии» не получило дальнейшего развития в психоанализе и не было включено А. Адлером в концептуальный аппарат собственной индивидуальной психологии. Однако в современном дискурсе оно часто используется в терминологически неточных изложениях дуалистической теории влечений З.Фрейда.

Дифференциация понятий «агрессия» и «деструкция» является заслугой Э. Фромма. Адаптивной и «доброкачественной» агрессии животных он противопоставляет специфически человеческий «злокачественный» вариант агрессии — деструктивность [Фромм Э., 2017]. При этом подход Э. Фромма имеет выраженную гуманистическую ориентацию: рассматривая деструктивность не как врожденное, а как приобретенное человеческое свойство, он выдвигает в качестве основной детерминанты разрушения социально-культурные и конкретно-исторические условия жизни человека. Не осознавая изначально данную ей свободу, личность предпочитает различные варианты «бегства от свободы» в угоду общества потребления, основными характеристиками которого являются отчужденность, изоляция и неравенство [Фромм Э., 2021]. Деструктивность как стремление к власти, порабощению или уничтожению других живых существ, наряду с авторитаризмом и конформизмом, является отказом человека от собственной безграничной свободы. Именно Э. Фромм впервые предложил рассматривать деструктивность как устойчивое личностное свойство, связанное не только со спонтанными поведенческими реакциями, но и со структурой характера, которая сформировалась по итогам возрастного развития и социализации в неблагоприятной среде [Фромм Э., 2017]. Будучи свойством характера и атрибутом свободной личности, разрушительность может инициироваться произвольно, быть результатом выбора.

С развитием вышеописанных психодинамических направлений в XX в. фокус внимания все больше смещается от интрапсихического или внутрилличностного конфликта к конфликту психосоциальному. Одновременно с этим утверждаются гуманистические идеи, изменившие не только психоанализ, но и психологию в целом. И А. Адлер, и Э. Фромм продолжают поиски универсального и типического (типы жизненных стилей или социальных характеров), однако не меньшее внимание уделяют индивидуальному и уникальному, своеобразие жизни и опыта личности, контексту. Холистический подход к человеку как внутреннему единству и неделимому целому выступает неотъемлемой составляющей гуманистической ориентации авторов. С этой точки зрения деструктивность может быть понята

только как извращение или искажение исходно конструктивной, просоциальной, «биофилической» (по Э. Фромму) ориентации человека и объяснена только внешними и средовыми детерминантами, вторгающимися в изначально «позитивную» и «добрую» природу человека. Вопрос определения источника деструктивных явлений микро- и макросоциального уровней намеренно выносится за скобки. В целом данный этап развития психологических подходов к анализу деструктивности личности, несмотря на высокую эвристическую ценность отдельных концептуальных положений, характеризуется наличием теоретических и методологических тупиков, препятствующих строго научному изучению проблемы целостности и деструктивности личности.

***Современное состояние проблемы:
элементалистский подход к исследованию
деструктивного поведения личности***

Обзор актуальных работ по проблеме исследования деструктивности личности позволяет сделать предварительный вывод, что на сегодняшний день в изучении феномена деструктивности доминирует элементалистский, а не холистический подход. Подтверждением нашего вывода служит библиометрический анализ, согласно которому в современных русскоязычных психологических исследованиях значительно чаще можно встретить понятие «деструктивное поведение», по сравнению с понятием «деструктивность» (человека и личности). «Деструктивное поведение» используется в качестве ключевого слова в 312 публикациях по психологии на сайте eLIBRARY.ru (за период с 1997 по 2024 гг., по данным на май 2024 г.), тогда как «деструктивность» — более чем в два раза реже, — в 121 публикации. Можно предположить, что количественный анализ выраженности отдельных паттернов разрушающего поведения личности оказывается более предпочтительным и распространенным подходом к исследованию, очевидно объясняемым наблюдаемостью и социальной значимостью явления. Как следствие, возникает ряд существенных методологических ограничений.

Ключевым из них является отсутствие единой теоретической концепции деструктивного поведения, разнообразие и несогласованность авторских определений и типологий, отсутствие строгой дифференциации понятий «де-

струкция» со смежными терминами, такими как агрессия/агрессивность, девиация, делинквентность, самоповреждение и др. К категории деструктивного относятся разнообразные виды поведения субъекта, соответствующие направленности на разрушение социальных связей, объектов и систем окружающего мира, а также направленности на саморазрушение [Антипова Е.А. и др., 2020; Злоказов К.В., 2017; Клейберг Ю.А., 2024]. Дефицит валидного диагностического инструментария также ограничивает перспективу многоаспектных эмпирических исследований с опорой на единую концепцию деструктивности личности или на обоснованную классификацию видов деструктивной активности [Дорфман Л.Я., Злоказов К.В., 2017; Самойлик Н.А., 2023].

В научной литературе значительно чаще можно встретить предположения о том, что деструктивное поведение характеризует не целостную, а «нарушенную» личность. Согласно имеющимся данным, такое поведение может быть обусловлено импульсивностью, реактивностью, возбудимостью и прочими нарушениями эмоционально-волевой регуляции, в свою очередь связанными с психическими или личностными расстройствами [Зинчук М.С. и др., 2019; Hamza Ch.A. et al., 2015; Kolbeck K. et al., 2019; Moore Fh.R. et al., 2022]. Однако существует и несколько отличная точка зрения, согласно которой ключевым признаком деструктивного поведения является выраженная субъектная позиция и целенаправленность [Профилактика деструктивного поведения..., 2019]. В отличие от агрессии и насилия, деструктивное поведение предполагает произвольный выбор объекта и цели, поскольку эти характеристики не заданы изначальными условиями ситуации [Злоказов К.В., 2018]. Это положение может стать основанием для изучения деструктивности во взаимосвязи с механизмом самодетерминации личности, т.е. с точки зрения субъектной вовлеченности, произвольной инициации разрушительных действий и поступков, осознания себя в качестве причины и автора деструкции [Костромина С.Н., Филатова А.Ф., 2023].

Несмотря на то, что многие авторы склонны рассматривать деструктивное поведение в качестве отрицательной разновидности девиантного, отмечается тенденция к персонифицированному и контекстуальному изучению феномена: индивидуально-личностный подход от-

тесняет представление о девиации, что дает возможность рассматривать деструкцию независимо от социальных норм [Гребенщикова Л.Г., 2011; Самойлик Н.А., 2023].

Холистическому принципу в несколько большей мере соответствует определение деструктивности в качестве устойчивой личностной черты, обобщающей типичные поведенческие паттерны, регулярное и многоплановое предъявление или проявление актов деструкции [Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В., 2023]. С точки зрения современного психоанализа, деструктивность личности обобщает поведенческие проявления и внутреннее содержание психической сферы, фантазийную и/или реальную агрессивную направленность на разрушение объектов и/или субъекта [Решетников М.М. и др., 2020]. К внутреннему содержанию в данном случае можно отнести переживания тревоги, страхи, чувства вины, стыда, обиды, сомнения, неадекватную самооценку. Поведенческие феномены могут включать не только наглядные проявления, например, навязчивые действия, суицидальное поведение, аддикции, разрушение внешних объектов и др., но и социально одобряемое поведение — чрезмерную самоотверженность, самоотдачу, а также специфические речевые стратегии, например, «Надо» и «Должен» [Нестеренко Т.И., Белая О.А., 2022]. Однако расширение понятия деструктивности до личностной черты или диспозиции не всегда предполагает, что в основе отдельных элементов и черт лежит унифицирующая и целостная сущность. В задачи подобных исследований чаще всего не входит включение феномена деструктивности в единое системное представление о личности.

Тем не менее, вопреки доминированию принципа элементаризма и дифференцированного анализа поведения или черт, в современных исследованиях обнаруживаются попытки изучения взаимосвязи деструктивности и целостности личности. Так, в работе К.В. Злоказова обосновывается связь деструктивной активности с интеграционными процессами в личности, а именно с формированием идентичности — выстраиванием собственного, отличного от других целостного структурного образа за счет разрушения внешних социальных структур [Злоказов К.В., Прядеин В.П., 2014]. Взаимосвязью разрушительной деятельности с конструированием идентичности может

быть обусловлена большая выраженность деструктивного поведения у подростков или молодых людей. Однако выборки эмпирических исследований деструктивности часто ограничиваются именно этими возрастными группами [Малых С.Б., 2023; Профилактика деструктивного поведения..., 2019; Matera E. et al., 2021; Rong F. et al., 2023]. Сравнительный анализ показателей выборки с контрольными группами других возрастов чаще всего не проводится. Как следствие, обнаруживается дефицит данных о деструктивном поведении и деструктивных переживаниях зрелой и взрослой личности. Представляет особый исследовательский интерес и актуальность изучение деструктивности пожилых людей, проверка гипотезы о наличии связи этого феномена с процессами эгоинтеграции и генеративностью (в терминологии Э. Эриксона).

Резюмируя обзор современного состояния проблемы деструктивности личности, мы можем обозначить необходимость разработки интегративных моделей и концепций, направленных на изучение разрушающей личности как неделимой целостности.

Системный подход к исследованию деструктивности и целостности личности

Альтернативой, соответствующей актуальным тенденциям развития методологии исследований личности, выступает комплексный и системный анализ психологических феноменов, определение личности в качестве открытой, самоорганизующейся и саморазвивающейся живой системы. Особое исследовательское внимание необходимо уделить свойству целостности личности, ее интегральным характеристикам. Основанием системного подхода к психологическому исследованию, по утверждению В.А. Ганзена, является «единство интеграции и дифференциации при доминировании тенденции объединения» [Ганзен В.А., 2007, с. 143]. Важно отметить, что такая позиция не исключает дифференциацию и предполагает рассмотрение личности как «структурированной целостности» [Ломов Б.Ф., 1975]. Выбор этого методологического подхода предполагает включение в анализ системных характеристик личности и акцент на ее процессуальной природе, интегрирующей устойчивость и постоянную изменчивость [Гришина Н.В., Костромина С.Н., 2021].

Внутреннее единство личности обусловлено протеканием интегративных процессов в сложноорганизованной системе. Обладая сложной внутренней структурой, личность сохраняет относительную автономность, самодостаточность, независимость от окружающей среды. Понятие целостности личности, по результатам обобщения сложившихся к настоящему времени научных подходов [Magnusson D., Törestad B., 1993; Wagner J. et al., 2020, и др.], объединяет несколько ключевых характеристик: 1) внутреннюю взаимосвязанность и согласованность элементов, подструктур, функций и процессов; 2) уникальную и индивидуальную конфигурацию взаимосвязей личностных свойств, обусловленную жизненным опытом и жизненной историей; 3) интегрированность опыта, тождество человека самому себе, непрерывность временной перспективы и единство жизненного пространства личности; 4) «цельность» как способность реализовывать в деятельности и субъектной активности значимые жизненные цели и ценности.

Системное описание разрушающей личности как «структурированной целостности» предполагает выявление иерархически организованных разноуровневых параметров, например: 1) астенического темперамента в структуре индивидуально-типологических особенностей личности; 2) дисгармонических стилей организации деятельности; 3) асоциальных (или антисоциальных) мотивов в ценностно-смысловой сфере; 4) дезадаптивных стратегий совладания [Злоказов К.В., Прядеин В.П., 2014]. Модель не является исчерпывающей, однако ее существенным достоинством является интеграция индивидуальных, субъектных и личностных свойств человека.

Стоит отметить, что деструктивность как системное свойство личности не только проявляется в стремлении к разрушению объектов и структур, но и одновременно представляет собой результат этого процесса [Злоказов К.В., Прядеин В.П., 2014]. Открытость и неравновесность системы, ее пребывание в метастабильном состоянии подразумевает постоянное нарушение сложившегося внутреннего порядка под воздействием внешних событий. Деструкция сложившихся взаимосвязей в системе личности обусловлена непрерывностью процесса самоорганизации системы, поддержанием устойчивости благодаря постоянным измене-

ниям [Marchenko O.V., Martseniuk L.V., 2020]. Внутрличностная динамика может быть представлена в виде колебаний между полюсами упорядоченности и хаоса, созидания и разрушения. Частичное саморазрушение системы необходимо для перестройки имеющейся конфигурации системных взаимосвязей [Пьянкова С.Д., 2009].

Таким образом, внешние формы проявления деструктивности могут рассматриваться как следствие или результат протекания внутренних дезинтеграционных процессов в системе личности (фаза дифференциации). Разрушение связей во внутрличностной структуре отражается во внешнем плане в виде разрушения связей с собственным телом, причинения вреда самому себе, своему здоровью и благополучию, а также в виде разрушения межличностных и социальных связей и отношений, в экзистенциальном аспекте — любых форм связанности человека с миром. При этом ключевым отличием деструкции от агрессии является произвольный выбор объекта и постановка цели, поэтому формирование деструктивной направленности обусловлено новой интеграцией личностных подсистем, задействованных в реализации произвольных разрушительных актов (фаза интеграции). Реализация деструктивности может активировать системы эмоциональной саморегуляции, уровневые механизмы самодетерминации личности, системы планирования, целеполагания и произвольной регуляции деятельности, целостно-смысловые подсистемы личности и т.д.

Результаты исследования

Переживание личностью собственной деструктивности: интеграционный и дезинтеграционный аспекты

Согласно системному подходу к исследованию личности, деструктивное поведение не только служит формой пассивного эмоционального реагирования на ситуацию, но и выступает в качестве самодетерминированной активности, реализующейся в виде спонтанных разрушительных интенций, произвольных инициаций деструктивной деятельности, смысловых выборов в пользу деструкции [Костромина С.Н., Филатова А.Ф., 2023]. Свобода личности, проявляющаяся в том числе в деструктивных формах, укоренена в способности живой системы к

самоорганизации — внутренней генерации энергии, требующей, с одной стороны, диссипации (рассеивания в разных формах активности) для поддержания внутреннего порядка, и с другой — определяющей перестройку внутренних связей и, как следствие, переход к новому порядку (новому уровню организационной структуры). Очевидно, что данные процессы тем или иным образом переживаются человеком. Он ощущает нарастание хаоса (например, в виде смятения, сомнения, навязчивых мыслей и т.д.), рассогласованности (например, мыслей и чувств), нарастания напряжения, которое необходимо сбросить. Многие из этих состояний описываются в психологической литературе как неосознаваемые (например, внутренний конфликт или невротическое состояние в психодинамическом подходе). В то же время существует достаточно много жизненных ситуаций, сопровождающихся переживанием личностью собственной деструктивности. В таких ситуациях субъект разрушения осознает себя причиной и автором деструктивных действий и поступков. Феноменологическое описание подобных ситуаций подразумевает анализ того, каким образом человек переживает и проявляет собственную деструктивность в повседневной жизни, какое значение приписывает своему поведению и как оно может быть связано с устойчивыми характеристиками системы личности, например, с системой жизненных ценностей и смыслов. Эти вопросы выдвигают на первый план не «объектное», а субъектное понимание деструктивности личности, во многом связан-

ное с личной оценкой и рефлексией собственных действий. В фокусе внимания оказывается деструктивность не как поведенческий акт и не как черта личности (стойкий поведенческий паттерн), а субъективное «чувствование» своих поступков по отношению к другим и к себе. Это объясняет, почему многие объективно совершаемые деструктивные действия не рассматриваются их авторами как наносящие существенный вред себе и другим (например, акты вандализма). И наоборот, незначительные с точки зрения других людей поступки, переживаются совершившими их как деструктивные или аутодеструктивные, сопровождаясь чувством вины и стыда (например, не поздравил(а) друга с днем рождения, пренебрег(ла) своими интересами из-за уступки партнеру и т.п.).

Под переживанием личностью собственной деструктивности мы понимаем особую внутреннюю деятельность по реконструкции, переструктурированию и осмыслению проявлений собственной деструктивной активности. Деятельность переживания направлена на смыслопостроение, преодоление трудной жизненной ситуации, а также на интеграцию жизненного опыта личности [Василюк Ф.Е., 1984; Зиновьева Е.В., Костромина С.Н., 2022]. Основываясь на проведенном теоретическом обзоре, мы можем сформулировать предположение о существовании интеграционных и дезинтеграционных личностных процессов, включенных в процесс переживания собственной деструктивности (таблица).

Структура переживания личностью собственной деструктивности

Structure of personality's experience of one's own destructiveness

<i>Дезинтеграционные аспекты</i>	<i>Интеграционные аспекты</i>
Переживание аффекта	Включенность рефлексивного сознания (означивание ситуации категорией деструкции и деструктивного)
Чувства тревоги, страха, обиды, вины, стыда	Эмоциональная саморегуляция и спонтанная самодетерминация личности
Ощущение амбивалентности, внутреннего противоречия или конфликта	Осознание себя в качестве субъекта деструкции, принятие субъектной позиции, деятельностная самодетерминация
Когнитивная оценка ситуации как стрессовой, конфликтной, кризисной или фрустрирующей	Смыслопостроение (поиск ответа на вопрос «Что эта ситуация означает лично для меня?»)
Переживание конфликта ценностей и жизненных смыслов	Ценностно-смысловая самодетерминация и саморегуляция, соотнесение личностного смысла ситуации с устойчивой структурой жизненных ценностей и смыслов личности
Новизна опыта и дефицит стратегий совладания	Соотнесение личностного смысла ситуации с опытом переживания деструктивности (интеграция жизненного опыта)

Дезинтегрирующие компоненты переживания собственной деструктивности могут включать ощущения внутреннего противоречия, конфликта, несвязности действий и намерений, которые часто сопряжены с аффектом, интенсивными негативными эмоциями. Усилить ощущение «психосоциального» конфликта может фиксация на чувствах вины и стыда, по определению являющихся социальными чувствами, связанными с негативной оценкой своего поведения с точки зрения социальной приемлемости и нормативности. Когнитивным аспектом дезинтеграции может выступать оценка ситуации как трудной или критической (по классификации Ф.Е. Василюка), а также оценка собственной личности как комплекса разноплановых элементов, противоречащих друг другу тенденций. Внешний мир представляется трудным, а внутренний мир — сложным [Василюк Ф.Е., 1984]. Конфликт ценностей и смыслов личности также может усиливать дезинтеграцию в процессе переживания собственной деструктивности. Например, таким конфликтом может выступить противоречие между ведущей базовой ценностью благосклонности к людям и ценностью самонаправления (по Ш. Шварцу) [Ценности и поведение..., 2022], т.е. конфликт между значимыми отношениями и свободой в реализации собственных идей, способностей, действий. Аналогично, нехватка адаптационных ресурсов и новизна опыта деструкции могут выступать факторами личностной дезинтеграции. Заметим, что такие критические периоды чаще всего становятся источником личностного роста, т.е. переломным моментом, запускающим интеграционные процессы на пути к обретению целостности личности на новом уровне структурной организации.

Интегрирующим личность процессом, который актуализируется в ходе переживания собственной деструктивности, является прежде всего рефлексия поведения с точки зрения его добровольности и причинной обусловленности, а именно осознание себя в качестве субъекта и причины деструкции. Важную роль здесь играет психосемантический компонент переживания — означивание ситуации и собственных действий категорией деструкции и деструктивного: «я разрушаю себя», «моя жизнь рушится», «мои отношения рушатся», «я веду себя деструктивно» и т.п. Предположительно, на

следующем этапе человек приписывает ситуации индивидуализированное значение с учетом жизненного контекста, конструирует личностный смысл ситуации как ее «значение для меня» [Леонтьев Д.А., 2007]. Далее личностный смысл ситуации соотносится с целостной индивидуальной и уникальной системой жизненных ценностей и смыслов личности. Параллельно могут осуществляться процессы эмоциональной и ценностно-смысловой саморегуляции, повышающие осознание контроля и возможностей управления своим поведением и поддерживающие ощущение внутренней целостности и устойчивости. Мы также предполагаем, что в ходе переживания деструктивности осуществляется действие разноуровневых механизмов самодетерминации (реализации свободы) личности [Костромина С.Н. и др., 2023]: механизм спонтанной функциональной самодетерминации (спонтанный выбор наиболее оптимального способа взаимодействия с миром), субъектной самодетерминации (свободный выбор способов достижения цели) и ценностно-смысловой (самоопределение смысловых аспектов собственной жизни). Целостность личности обеспечивается возможностью осуществления разных вариантов свободного выбора в ситуациях, связанных с реализацией деструктивности. Наконец, завершающим моментом наиболее полной интеграции личности является соотношение личностного смысла конкретной ситуации с жизненным опытом. Если переживание собственной деструктивности интегрируется в опыт, можно утверждать, что деятельность переживания, направленная на преодоление трудной жизненной ситуации, успешно завершена, наступил этап устойчивости, поддерживаемый внутренней связанностью и согласованностью личностных процессов и подструктур.

Заключение

Обзор психологической литературы показал, что формулирование конкретного теоретического подхода к проблеме деструктивности человека обусловлено пониманием личности как целостной или дифференцированной сущности. Это отражено в ранних психоаналитических концепциях деструкции. Так, С.Н. Шпильрейн вводит понятие деструкции, определяя его как «причину становления», условие интеграции

личностного и коллективного бессознательно-го. З. Фрейд, описывая интегративную подструктуру личности Эго, подчеркивает, что ее формирование обусловлено противоречивостью и хаотичностью бессознательного Ид, у которого Эго должно позаимствовать часть деструктивной энергии (мазохистичности), необходимую для согласования принципа удовольствия с принципом реальности. Личность, согласно классическому психоанализу, сохраняет целостность именно за счет дифференциации. Однако метод психоанализа не предполагает изучение феномена целостной личности: эта традиция скорее отдает предпочтение феномену психического «расщепления», дифференцированному рассмотрению целого с точки зрения конфликта и противоборства составляющих частей. Психоаналитические идеи о деструктивности и «влечении к смерти» неоднократно подвергались критике за «пессимистический» взгляд на природу человека.

Гуманистическая версия психодинамического подхода, изложенная в трудах А. Адлера и Э. Фромма, напротив, обращена к целостной и здоровой личности, ее «позитивной» природе. При этом проблема детерминации человеческой деструктивности либо намеренно исключается из рассмотрения (А. Адлер), либо освещается с точки зрения влияния на личность микро- и макросоциальных факторов, происхождение которых не уточняется (Э. Фромм).

Попытки строго научного осмысления разрушительности личности могут показаться затруднительными ввиду их сопряженности с этическими вопросами и проблемами морали. Кроме того, оперирование категориями созидания и разрушения, рассмотрение их в качестве физических и метафизических свойств человеческого бытия и природы в целом может выходить за пределы психологической науки в область философской диалектики.

Однако вопреки теоретическим и методологическим трудностям, деструктивность личности остается востребованной темой для социогуманитарных научных дисциплин. В области современных психологических исследований все больше внимания уделяется проблематике деструктивного поведения личности, его коррекции и профилактике. Большинство авторов подобных работ скорее придерживаются элементаристского подхода к пониманию лич-

ности: паттерны деструктивного поведения или деструктивность как устойчивая черта рассматриваются в отрыве от целостной личности. Современное состояние исследовательской проблемы деструктивности личности характеризуется необходимостью создания моделей и концепций, которые позволят объяснить деструктивность личности во взаимосвязи с процессами поддержания целостности и устойчивости.

В качестве альтернативы предложен системный анализ деструктивной личности как структурированной целостности с опорой на процессуальный подход к исследованию. Будучи системным свойством, деструктивность не только проявляется в стремлении к разрушению объектов и структур, но и одновременно представляет собой результат этого процесса. Деструкция является следствием самоорганизации и самодетерминации системы личности, ее процессуальной природы, поддержанием устойчивости за счет непрерывной изменчивости. Результаты проведенного теоретического анализа психологической литературы позволяют заключить, что феномен переживания личностью собственной деструктивности может рассматриваться с точки зрения наличия в нем интеграционных и дезинтеграционных аспектов. Мы полагаем, что доминирующей тенденцией является поддержание целостности и устойчивости, поскольку деятельность по преодолению трудных жизненных ситуаций (деятельность переживания) направлена в первую очередь на интеграцию подсистем личности и ее жизненного опыта.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00308 (2024–2026) «Процессуальная модель целостности личности: теоретическое обоснование и эмпирические референты».

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00308 (2024–2026) «Procedural model of personality integrity: theoretical justification and empirical referents».

Список литературы

Адлер А. Влечение к агрессии в жизни и в

неврозе // Отчет о первом частном Психоаналитическом собрании в Зальцбурге 27 апреля 1908 года / пер. с нем. М.М. Бочкаревой; сост. и ред. О. Ранк. Ижевск: Ergo, 2011. С. 27–28.

Антипова Е.А., Ларионова А.В., Орлова В.В. Деструктивное поведение в проблемном поле гуманитарной науки // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4(39). С. 128–137. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1052](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1052)

Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Системные описания в психологии. СПб.: URSS, 2007. 320 с.

Гребеницкова Л.Г. К вопросу о соотношении понятий «деструктивное», «агрессивное» и «девиантное» поведение // Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 апреля 2011 г.) / под ред. А.С. Берберян и др. Пенза; Шадринск; Ереван: НИЦ «Социосфера», 2011. С. 61–67.

Гришина Н.В., Костромина С.Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920014166-8>

Гротштейн Дж.С. Расщепление и проективная идентификация / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2017. 224 с.

Дорфман Л.Я., Злоказов К.В. Метаиндивидуальная модель деструктивности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 1. С. 105–122.

Зиновьева Е.В., Костромина С.Н. Интеграция опыта: между прошлым и будущим // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, вып. 2. С. 186–203. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.207>

Зинчук М.С., Аведисова А.С., Гехт А.Б. Несуицидальное самоповреждающее поведение при психических расстройствах непсихотического уровня: эпидемиология, социальные и клинические факторы риска // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119, № 3. С. 108–119. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119031108>

Злоказов К.В. Деструктивное социальное поведение. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. 183 с.

Злоказов К.В. Роль насилия в деструктивном поведении: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД

России. 2018. № 4(80). С. 188–192.

Злоказов К.В., Прыдеин В.П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование. Сургут: Изд-во СурГПУ, 2014. 178 с.

Кларк М. Отношения Эго и Самости в клинической практике: путь к индивидуации / пер. с англ. И. Бранис и др. М.: Когито-Центр, 2022. 96 с.

Клейберг Ю.А. Фронтиры деструктивного поведения как девиантогенный концепт // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: деструктивное поведение: сб. тезисов VIII Всерос. межведомственной науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 16 ноября 2023 г.). Н. Новгород: Изд-во НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 116–119.

Костромина С.Н., Гришина Н.В. Процессуальный подход в психологии личности // Научные подходы в современной отечественной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. С. 504–524.

Костромина С.Н., Филатова А.Ф. Детерминизм и самодетерминация в анализе личностной деструктивности // Вестник Удмуртского Университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 33, № 3. С. 232–244.

Костромина С.Н., Филатова А.Ф., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В., Одинцова М.М. Комплементарная модель самодетерминации личности // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20, № 1. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.21702/grj.2023.1.6>

Лаплани Ж. Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / пер. с фр. Н.С. Автономовой, науч. ред. А.М. Руткевич. М.: Высш. шк., 1996. 623 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 512 с.

Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.

Малых С.Б. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3, № 1. С. 118–120. DOI: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-118-120>

Нестеренко Т.И., Белая О.А. Психоанализ деструктивности (на примере повести В. Вересаева «Без дороги») // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19, вып. 4. С. 150–157. DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2022-19-4-150-157>

Профилактика деструктивного поведения в молодежной среде: хрестоматия / сост. И.Ф. Шилиева, Ю.А. Федорова. Уфа: Изд-во

БГПУ им. М. Акмуллы, 2019. 169 с.

Пьянкова С.Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив // Психологические исследования. 2009. Т. 2, № 3. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1011/550> (дата обращения: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1011>

Решетников М.М., Авакумов С.В., Баранов Ю.А. и др. Психоанализ деструктивного поведения // Психоанализ: учеб. для вузов / под ред. М.М. Решетникова. М.: Юрайт, 2020. С. 239–252.

Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни / пер. с фр. А.И. Коротецкой. М.: Когито-Центр, 2018. 212 с.

Самойлик Н.А. Диагностика деструктивного поведения: постановка проблемы // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1(21). С. 80–86.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Полное собр. соч.: в 26 т. Т. 13: Статьи по метапсихологии / пер. с нем. С.С. Панкова. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2020. С. 193–255.

Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Захер-Мазох Л. фон, Делез Ж., Фрейд З. Венера в мехах (сборник работ) / сост., пер. с нем. и фр. А.В. Гараджи. М.: Культура, 1992. С. 349–364.

Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Полное собр. соч.: в 26 т. Т. 14: Статьи по метапсихологии – 2 / пер. с нем. С.С. Панкова. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2020. 384 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2017. 736 с.

Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А.В. Александровой. М.: АСТ, 2021. 288 с.

Хьелл Л.А., Зиглер Д.Дж. Теории личности / пер. с англ. А.В. Соломиной. 3-е изд. СПб.: Питер, 2018. 608 с.

Ценности и поведение. Кросс-культурный подход / пер. с англ. О.В. Панасевой; под ред. С. Роккас, Л. Сагив. СПб.: Гуманитарный центр, 2022. 332 с.

Шнейдер Л.Б., Сьманюк В.В. Личностная деструктивность: эгоцентризм и стереотипия как продукты эго-центрации и ментальной избирательности в подростковом возрасте // Психология деструктивного поведения: Факторы риска и профилактика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ярославль, 19 мая 2023 г.) / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2023. С. 193–200.

Шпильрейн С.Н. Деструкция как причина становления // Шпильрейн С.Н. Над временем и судьбой: сб. ст. / сост., вступ. ст. Ф.Р. Филатова.

Ростов н/Д: Мини Тайп, 2020. С. 5–30.

Шниц Р. Агрессия: ее роль в установлении объектных отношений // Форум агрессологии. 2012. Т. 2, № 2. С. 207–218.

Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. А.А. Спектор. Минск: Харвест, 2004. 400 с.

Hamza Ch.A., Willoughby T., Heffer T. Impulsivity and nonsuicidal self-injury: A review and meta-analysis // Clinical psychology review. 2015. Vol. 38. P. 13–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.02.010>

Kolbeck K., Moritz S., Bierbrodt J., Andreou Ch. Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors // Journal of Personality Disorders. 2019. Vol. 33, iss. 2. P. 249–261. DOI: https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Magnusson D., Törestad B. A holistic view of personality: A model revisited // Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 427–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.002235>

Marchenko O.V., Martseniuk L.V. Human destructiveness in the existing practices of late modernism violence: Positive and negative dimensions // Anthropological Measurements of Philosophical Research (Антропологічні виміри філософських досліджень). 2020. No. 17. P. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.15802/ampr.v0i17.206686>

Matera E., Margari M., Serra M., Petruzzelli M.G. et al. Non-Suicidal Self-Injury: An Observational Study in a Sample of Adolescents and Young Adults // Brain sciences. 2021. Vol. 11, iss. 8. URL: <https://www.mdpi.com/2076-3425/11/8/974/pdf?version=1627289596> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/brainsci11080974>

Mischel W. Toward an integrative science of the person // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.042902.130709>

Moore Fh.R., Doughty H., Neumann T., McClelland H., Allott C., O'Connor R.C. Impulsivity, aggression, and suicidality relationship in adults: A systematic review and meta-analysis // eClinicalMedicine. 2022. Vol. 45. URL: <https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2589-5370%2822%2900037-2> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2022.101307>

Rong F., Wang M., Peng Ch., Cheng J., Ding H., Wang Y., Yu Y. Association between problematic smartphone use, chronotype and nonsuicidal self-injury among adolescents: A large-scale study in

China // Addictive behaviors. 2023. Vol. 144. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S030646032300120X?via%3Dihub> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2023.107725>

Wagner J., Orth U., Bleidorn W., Hopwood Ch.J., Kandler Ch. Toward an integrative model of sources of personality stability and change // Current Directions in Psychological Science. 2020. Vol. 29, iss. 5. P. 438–444. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721420924751>

References

Adler, A. (2011). [Aggressive drive in life and in neurosis]. *Otchet o pervom chastnom Psichoanaliticheskom sobranii v Zal'tsburge 27 aprelya 1908 goda, sost. i red. O. Rank* [O. Rank (ed.) Report on the first private Psychoanalytic Meeting in Salzburg 27 April 1908 (text)]. Izhevsk: ERGO Publ., p. 27–28.

Antipova, E.A., Larionova, A.V. and Orlova, V.V. (2020). [Destructive behavior in the problematic field of humanities]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium* [Journal of Wellbeing Technologies]. No. 4(39), pp. 128–137. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1052](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1052)

Clark, M. (2022). *Otnosheniya Ego i Samosti v klinicheskoy praktike: put' k individuatsii* [Relationships of Ego and Self in clinical practice: the path to individuation]. Moscow: Cogito-Tsentr Publ., 96 p.

Dorfman, L.Yu. and Zlokazov, K.V. (2017). [A meta-individual model of destructive patterns]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 14, no. 1, pp. 105–122.

Freud, S. (1992). [The economic problem of masochism]. *Zakher-Mazokh L fon, Delez Zh., Freyd Z. Venera v mekhah (sbornik rabot)* [Sacher-Masoch L. von, Deleuze J., Freud S. Venus in furs (collection of works)]. Moscow: Kul'tura Publ., pp. 349–364.

Freud, S. (2020). [Beyond the pleasure principle]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 26 t. T. 13: Stat'i po metapsikhologii* [The complete collection of works: in 26 vols. Vol. 13: Articles on metapsychology]. St. Petersburg: VEIP Publ., pp. 193–255.

Freud, S. (2020). [Ego and Id]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 26 t. T. 14: Stat'i po metapsikhologii – 2* [The complete collection of works: in 26 vols. Vol. 14: Articles on metapsychology – 2]. St. Petersburg: VEIP Publ., 384 p.

Fromm, E. (2017). *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The anatomy of human destructive-

ness]. Moscow: AST Publ., 736 p.

Fromm, E. (2021). *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: AST Publ., 288 p.

Ganzen, V.A. (2007). *Vospriyatie tselostnykh ob'ektov. Sistemnye opisaniya v psikhologii* [Perception of holistic objects. Systemic descriptions in psychology]. St. Petersburg: URSS Publ., 320 p.

Grebenschikova, L.G. (2011). [Towards the correlation between the concepts of «destructive», «aggressive» and «deviant» behaviour]. *Detstvo, otrochestvo i yunost' v kontekste nauchnogo znaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (25–26 aprelya 2011 g.)* [The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 25–26, 2011)]. Penza, Shadrinsk, Yerevan: Sotsiosfera Publ., pp. 61–67.

Grishina, N.V. and Kostromina, S.N. (2021). [Processual approach: stability and variability as a foundation of wholeness]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 3, pp. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920014166-8>

Grotstein, J.S. (2017). *Rasscheplenie i proektivnaya identifikatsiya* [Splitting and projective identification]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 224 p.

Hamza, Ch.A., Willoughby, T. and Heffer, T. (2015). Impulsivity and nonsuicidal self-injury: A review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. Vol. 38, pp. 13–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.02.010>

Hjelle, L.A. and Ziegler, D.J. (2018). *Teorii lichnosti* [Personality theories: Basic assumptions, research and applications]. St. Petersburg: Piter Publ., 608 p.

Jung, C.G. (2004). *Dusha i mif: shest' arkhетipov* [Soul and myth: Six archetypes]. Minsk: Harvest Publ., 400 p.

Kleyberg, Yu.A. (2024). [Frontiers of destructive behaviour as a deviantogenic concept]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskoy praktiki v silovykh strukturakh: destruktivnoe povedenie: sbornik tezisov VIII Vserossiyskoy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Nizhniy Novgorod, 16 noyabrya 2023 g.)* [Actual Problems of Psychological Practice in Power Structures: Destructive Behavior: a collection of abstracts of the 8th All-Russian Interdepartmental Scientific-Practical Conference (Nizhny Novgorod, Nov. 16, 2023)]. Nizhny Novgorod: NNSU Publ., pp. 116–119.

Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J. and Andreou, Ch. (2019). Borderline personality disorder: Associations between dimensional personality profiles

and self-destructive behaviors. *Journal of Personality Disorders*. Vol. 33, iss. 2, pp. 249–261. DOI: https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Kostromina, S.N. and Filatova, A.F. (2023). [Determinism and self-determination in the analysis of personality destructiveness]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya:Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 33, no. 3, pp. 232–244.

Kostromina, S.N., Filatova, A.F., Moskvichyova, N.L., Zinov'eva, E.V. and Odincova, M.M. (2023). [A complementary model of personality self-determination]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal]. Vol. 20, no. 1, pp. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6>

Kostromina, S.N. and Grishina, N.V. (2023). [Processual approach in personality psychology]. *Nauchnye podkhody v sovremennoy otechestvennoy psikhologii, otv. red. A.L. Zhuravlev i dr.* [A.L. Zhuravlev et al. (eds.) Scientific approaches in modern Russian psychology]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 504–524.

Laplanche, J. and Pontalis, J.-B. (1996). *Slovar' po psikhoanalizu* [The language of psycho-analysis]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 623 p.

Leont'ev, D.A. (2007). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. Moscow: Smysl Publ., 512 p.

Lomov, B.F. (1975). [About the system approach in psychology]. *Voprosy Psikhologii*. No. 2, pp. 31–45.

Magnusson, D. and Törestad, B. (1993). A holistic view of personality: A model revisited. *Annual Review of Psychology*. Vol. 44, pp. 427–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.002235>

Malykh, S.B. (2023). [Prevention of aggression and destructive behavior of youth: an analysis of world experience]. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal* [Russian Journal of Deviant Behavior]. Vol. 3, no. 1, pp. 118–120. DOI: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-118-120>

Marchenko, O.V., Martseniuk, L.V. (2020). Human destructiveness in the existing practices of late modernism violence: Positive and negative dimensions. *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. No. 17, pp. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.15802/ampr.v0i17.206686>

Matera, E., Margari, M., Serra, M., Petruzzelli, M. G. et al. (2021). Non-suicidal self-injury: an observational study in a sample of adolescents and young

adults. *Brain Sciences*. Vol. 11, iss. 8. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-3425/11/8/974/pdf?version=1627289596> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/brainsci11080974>

Mischel, W. (2004). Toward an integrative science of the person. *Annual Review of Psychology*. Vol. 55, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.042902.130709>

Moore, Fh.R., Doughty, H., Neumann, T., McClelland, H., Allott, C., O'Connor, R.C. (2022). Impulsivity, aggression, and suicidality relationship in adults: A systematic review and meta-analysis. *eClinicalMedicine*. Vol. 45. Available at: <https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2589-5370%2822%2900037-2> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2022.101307>

Nesterenko, T.I. and Belaya, O.A. (2022). [Psychoanalysis of destructiveness (on the basis of V. Veresaev's work «Without a road»)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. Vol. 19, iss. 4, pp. 150–157. DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2022-19-4-150-157>

P'yankova, S.D. (2009). [Nonlinearity of development: a psychological phenomenon and a literary motif]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]. Vol. 2, no. 3. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1011/550> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1011>

Reshetnikov, M.M., Avakumov, S.V., Baranov, Yu.A. et al. (2020). [Psychoanalysis of destructive behavior]. *Psihoanaliz, pod red. M.M. Reshetnikova* [M.M. Reshetnikov (ed.) Psychoanalysis]. Moscow: Urait Publ., pp. 239–252.

Rokkas, S. and Sagiv, L. (eds.) (2022). *Tsenmosti i povedenie. Kross-kul'turnyy podkhod* [Values and behavior: Taking a cross cultural perspective]. St. Petersburg: Gumanitarnyy tsentr Publ., 332 p.

Rong, F., Wang, M., Peng, Ch., Cheng, J., Ding, H., Wang, Y. and Yu, Y. (2023). Association between problematic smartphone use, chronotype and nonsuicidal self-injury among adolescents: A large-scale study in China. *Addictive Behaviors*. Vol. 144. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S030646032300120X?via%3Dihub> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2023.107725>

Rozenberg, B. (2018). *Mazokhizm smerti i mazokhizm zhizni* [Masochism of death and masochism of life]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 212 p.

Samoylik, N.A. (2023). [The diagnosis of destructive behavior: Problem statement]. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk* [Theory and Practice of

Socio-Humanitarian Sciences]. No. 1(21), pp. 80–86.

Shilyaeva, I.F. and Fedorova, Yu.A. (eds.) (2019). *Profilaktika destruktivnogo povedeniya v molodezhnoy srede* [Prevention of destructive behavior among young people]. Ufa: BSPU Publ., 169 p.

Shneyder, L.B. and Symanyuk, V.V. (2023). [Personality destructiveness: egocentrism and stereotypy as products of ego-centrism and mental selectivity in adolescence]. *Psikhologiya destruktivnogo povedeniya: Faktory riska i profilaktika: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Yaroslavl', 19 maya 2023 g.)* [Psychology of Destructive Behavior: Risk Factors and Prevention: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yaroslavl, May 19, 2023)]. Yaroslavl: YSPu Publ., pp. 193–200.

Spielrein, S.N. (2020). [Destruction as the cause of coming into being]. *Spielrein S.N. Nad vremenem i sud'boy: sb. statey* [Sabina Spielrein: over time and fate: Collection of articles]. Rostov-on-Don: Mini Taip Publ., pp. 5–30.

Spitz, R. (2012). [Aggression: its role in establishing object relations]. *Forum agressologii* [Forum of aggressology]. Vol. 2, no. 2, pp. 207–218.

Vasilyuk, F.E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experiencing (analysis of critical situations)]. Moscow: MSU Publ., 200 p.

Wagner, J., Orth, U., Bleidorn, W.,

Hopwood, Ch.J. and Kandler, Ch. (2020). Toward an integrative model of sources of personality stability and change. *Current Directions in Psychological Sci-*

ence. Vol. 29, iss. 5, pp. 438–444. DOI:

<https://doi.org/10.1177/0963721420924751>

Zinchuk, M.S., Avedisova, A.S. and Gekht, A.B. (2019). [Nonsuicidal self-injury behavior in non-psychotic disorders: epidemiology, social and clinical risk factors]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]. Vol. 119, no. 3, pp. 108–119. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119031108>

Zinov'eva, E.V. and Kostromina, S.N. (2022). [Experience integration: Between the past and the future]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]. Vol. 12, iss. 2, pp. 186–203. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.207>

Zlokazov, K.V. (2017). *Destruktivnoe sotsial'noe povedenie* [Destructive social behavior]. Ekaterinburg: USPU Publ., 183 p.

Zlokazov, K.V. (2018). [The role of violence in destructive behavior: empirical research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4(80), pp. 188–192.

Zlokazov, K.V. and Pryadein, V.P. (2014). *Destruktivnost' lichnosti: sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie* [Destructiveness of personality: socio-psychological study]. Surgut: SSPU Publ., 178 p.

Об авторах

Филатова Анастасия Филипповна

ассистент кафедры психологии личности

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: a.filatova@spbu.ru
ResearcherID: KMX-1992-2024

Костромина Светлана Николаевна

доктор психологических наук, профессор,
и.о. декана факультета психологии,
заведующая кафедрой психологии личности

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: s.kostromina@spbu.ru
ResearcherID: N-4254-2013

About the authors

Anastasiya F. Filatova

Assistant Lecturer of the Department
of Personality Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: a.filatova@spbu.ru
ResearcherID: KMX-1992-2024

Svetlana N. Kostromina

Doctor of Psychology, Professor,
Acting Dean of the Faculty of Psychology,
Head of the Department of Personality Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: s.kostromina@spbu.ru
ResearcherID: N-4254-2013